

— Лань, ты ещё слишком наивен. В нынешнем положении, если не бороться, остаётся лишь смерть. Ты думаешь, наложница Чэнь Лю оставит нас в покое? А разве князь Чжао, выйдя из тюрьмы, нас пощадит?

— Неужели князь Чжао тоже стал жертвой ваших козней? — спросил Цзи Лань.

— А что с того? Путь к трону — это всегда битва не на жизнь, а на смерть, каждый действует как умеет.

— А как же князь Цинь? Он ещё молод, ни с кем не соперничает. Почему тётка решила его отравить? Теперь, когда у него не осталось ни покровительства наложницы Хуэй, ни князя Вэй, почему она, кажется, всё ещё не оставляет его в покое? — Цзи Лань понимал, что не сможет их остановить, но не мог постичь, зачем им нужно истреблять всех до последнего.

— Разве всё так просто? Каждый живой принц — угроза, будь то князь Чэнь, князь Цинь, князь Чжао или князь Лян — все одинаковы! — Цзи Ланфэн высказался ясно, и в его голосе прозвучала жестокость.

— И значит, мы, как подданные, должны устраивать заговоры и убивать принцев? Разве престолонаследие не должно определяться волей Сына Неба? А мы, сражаясь и отнимая друг у друга, лишь ввергаем страну в междоусобицу, что государству во вред.

— Замолчи! Таково проклятие рождения в императорском доме. Им приходится с этим мириться, а нам — лишь следовать их путём. Князь Чжао хоть и в тюрьме, но ведь и князь Юе был ранен при нападении. Если мы не нападём первыми, они заберут наши жизни, — сказал Цзи Ланфэн.

— Неужели непременно должно быть «или ты, или я»?

— Да, — ответил Цзи Ланфэн. Он ненадолго замолчал, смотря на Цзи Лана, и вздохнул. — Я не хотел вовлекать тебя в это, потому что ты слишком прямодушен. Но сейчас ты просто чересчур непрактичен. Я надеялся, что после моей смерти твой брат будет вести дела вовне, а ты — внутри, и так мы возвеличим наш дом Цзи. Но твои разглагольствования о добродетели — верх глупости. Видно, я плохо тебя воспитал. Ступай.

— Лань откланивается, — произнёс Цзи Лань, поклонился и удалился.

Вернувшись в свои покои, он вспомнил о Сяо Ляне. Он не знал, как теперь смотреть ему в глаза. Если Сяо Лян узнает, что яд подсыпала его тётка, если узнает, что князь Чжао был оклеветан по навету его деда... Станет ли он тогда, Цзи Лань, для него всего лишь обманщиком?

Всем сердцем он хотел защитить Сяо Ляна. Не дать ему снова погружаться в отравленные ванны и страдать от яда. Не позволить ему, потеряв мать и брата, жить изо дня в день под лезвием затаённого ветра и мечом инея, в тёмной тени борьбы за престол. Но остановить это он был не в силах. В душе его бушевали мысли, он долго размышлял, но в конце концов так и не нашёл выхода.

В нынешней ситуации главной угрозой был князь Чжао. Если бы его удалось устранить, из оставшихся принцев князь Чэнь был не страшен. Серьёзной опасностью оставался князь Лян. Но у него был недостаток речи, да и Сын Неба, кажется, не видел его на восточных покоях. Материнский род князя Циня не имел влияния, вряд ли он мог поднять какие-либо волнения.

Он лежал на постели, раздумывая всю ночь, и лишь услышав за окном крик петуха, тихо вздохнул: «Ладно. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы защитить тебя. Лишь бы однажды ты не стал врагом для деда и тётки».

С тех пор как умерла Шэнь Линцзяо, Цинь Синь не покидал Цзянлин, надеясь найти возможность почтить её память. Но доступ в императорские гробницы строго охранялся, и многие по-прежнему жаждали его смерти. Он полагал, что дом Шэнь, понёсший большие потери, и Шэнь Тяньяо вряд ли найдут силы снова подсылать к нему убийц. Тогда он не мог понять, кто были те люди, что охотились на него. Судя по их мастерству, это определённо не были простые речные и озёрные головорезы, но и на дворцовых стражников они не походили, скорее имели выправку военных. Вот только история с его покушением на Сяо Цяня уже стала известна всей Поднебесной. Зачем этим людям скрывать свои личности?

В белых одеждах Цинь Синь сошёл с группой в чёрном в пригородных полях. Бой длился больше часа. Он уже заметил, что вокруг затаились правительственные войска, но отвлекаться было некогда. Старые раны ещё не зажили, и теперь, столкнувшись с этими людьми в чёрном, он оказался в положении загнанного зверя. Если бы солдаты вмешались, ему точно бы не выжить. Он отчаянно прорывался, как вдруг с небес явилась нежданная помощь. Незнакомец был в маске, но его движения показались до боли знакомыми — именно он помог Цинь Синю вырваться из западни.

Маскированный человек отвёл его в безопасное место и собрался уходить. Цинь Синь, тяжело раненный, не мог его удержать и только спросил: «Кто ты? Почему твоя манера движений так похожа на мою школу?»

Тот маскированный ответил: «Я знаю, что тебя зовут Цинь Синь, и что это ты убил князя Юе. Тебе не нужно знать, кто я. Советую тебе поскорее покинуть столицу».

Цинь Синь попытался подняться, но не смог пошевелиться и только крикнул: «Да кто ты такой?!»

«Ветер в соснах развязывает пояс, горная луна освещает игру на цине», — произнёс маскированный и растворился в воздухе.

Услышав это, Цинь Синь сильно вздрогнул. Он несколько раз окликнул того, но не смог остановить. В душе его поднялась тревога, и он потерял сознание в этом горном храме.

Сяо И восседал в Чертоге Двойного Великолепия, когда евнух Чжан доложил, что Мэн Гуанбинь ожидает у ворот указаний. Император велел ввести его.

Мэн Гуанбинь вошёл в зал, поклонился и сказал: «Ваше Величество, человек, искусный в подражании почерку, найден. Согласно словам знаменитого мастера каллиграфии и живописи, господина Ван Фу, лишь этот человек обладает таким умением. Его зовут Ван Цзюньцин, он всего лишь бедный учёный, известный своим мастерством подделывать картины и каллиграфические работы».

Евнух Чжан тут же принял из рук Мэн Гуанбиня два листа бумаги и подал Сяо И. Тот взглянул и спросил: «Неужели это тот, кто подделал почерк князя Чжао?»

«Докладываю Вашему Величеству, я проверил. Этот человек тяжело болел последние полгода, лежал без сознания. Лишь несколько дней назад какой-то странствующий лекарь смог вернуть его к жизни. Из-за бедности он, ещё не оправившись, взялся подделывать почерк ради награды, объявленной в императорском указе. Так что по времени он не мог быть автором той

подделки».

«А кто знает, может, он заранее всё написал, а потом заболел? Иначе как объяснить такое совпадение?»

«Ваше Величество мудры. Ваш слуга действительно не смог до конца разобраться в этом деле. Прошу Вашего решения».

«Хорошо, можешь удалиться».

Сяо И махнул рукой. Мэн Гуанбинь всё понял, поклонился и вышел. Лишь тогда из тени выступил стражник-тень У Чжи.

«Докладываю Вашему Величеству, вчера я следил за Ши Сяном и обнаружил, что кто-то убил людей, посланных господином Мэном для слежки».

«Что?» — Сяо И был потрясён. Мэн Гуанбинь об этом не упомянул — выходило, тот намеренно скрыл этот факт.

«Все люди господина Мэна были убиты отрядом в чёрном. Я хотел защитить Ши Сяна, но вдруг откуда-то донёлся звук циня. Ши Сян, услышав его, тут же покончил с собой, не оставив ни слова».

«Хм. Убийство свидетелей... Отлично. Понял. Продолжай следить за Мэн Гуанбином в ближайшие дни».

Стражник-тень, выслушав, отступил. Евнух Чжан, видя выражение лица Сяо И, понял, что тот принимает важное решение, и не посмел заговорить, держа в руках чай, но не предложив его.

«Евнух Чжан, вели составить указ. Поскольку в Поднебесной действительно существуют люди, искусные в подделке почерка, письма, найденные в покоях наложницы Лю и Сы Юэ, не могут служить доказательством вины князя Чжао. Пошли людей в Храм Дали освободить князя Чжао, скажи, что расследование установило: Цзяо Ну случайно упала в колодец, и это к нему не относится. Отпусти его домой. Я сейчас отправляюсь во дворец Вэйян. Готовьте паланкин».

Во дворце Вэйян наложница Чэнь Лю смотрела на Сяо Юньсяна, погружённого в каллиграфию. На её лице отражалась нежность, но она не могла сдержать лёгкий вздох.

Сяо Юньсян, услышав вздох, тут же поднял голову и позвал: «Матушка».

«Почерк Юньсяна становится всё прекраснее», — с улыбкой сказала наложница Чэнь Лю.

Она подошла и увидела на бумаге написанное: «Только не борясь, можно достичь того, что никто в Поднебесной не сможет с тобой соперничать». Сердце её дрогнуло, и она спросила: «Юньсян, если бы ты не был принцем, я бы не стала тебе препятствовать, даже если бы ты пожелал уйти в даосы».

«Могу и сейчас», — ответил Сяо Юньсян.

«Ты не понимаешь. Таких слов больше не произноси».

«Сыну шестнадцать».

Он хотел сказать, что в шестнадцать лет уже можно жениться, так что называть его

непонимающим никак нельзя.

Наложница Чэнь Лю тихо вздохнула. У неё был только этот сын, но с детства он рос замкнутым, мало говорил, и повзрослев, остался таким же. Лекари твердили, что это болезнь сердца, которую снадобьями не излечить. Такого ребёнка Сяо И давно не принимал в расчёт, даже не помышляя передать ему престол. Но она не желала смириться, ей непременно нужно было побороться. Беда в том, что Сяо Юньсян не только не понимал её стараний, но и день за днём ей мешал. В прошлый раз он сам съел фрукты, пропитанные Ароматом Семи Увечий, и чуть не свел её в могилу от страха.

<http://bllate.org/book/15946/1425675>